

Научная статья

УДК 947.088(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-110-121

Распад СССР

в контексте теории институционального насилия

Максим Васильевич Котляров

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

generationMK@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1339-3408>

Аннотация

Распад СССР объясняется с точки зрения теории институционального насилия Д. Норта, Б. Вайнгаста и Д. Уоллиса. К 1980-м годам СССР достиг стадии зрелого «естественного государства»: основу советского строя составляли долговременно существующие организации, которыми управляла элита, обеспечившая себе высокий уровень безопасности и стабильности служебного положения за счет эффективного контроля над аппаратом насилия (КГБ, милицией, армией). Тем самым в СССР сложились объективные предпосылки для перехода к порядку «открытого доступа», основанному на конкуренции. Движение в этом направлении было успешным до момента утраты М. С. Горбачевым контроля над спецслужбами и армией летом 1991 г. Пutsch ГКЧП катастрофически дискредитировал союзную власть, сделав распад государства неминуемым.

Ключевые слова

СССР, перестройка, насилие, государство, социальные порядки

Для цитирования

Котляров М. В. Распад СССР в контексте теории институционального насилия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-110-121

The Collapse of the USSR

in the Context of the Theory of Institutional Violence

Maxim V. Kotlyarov

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

generationMK@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1339-3408>

Abstract

The collapse of the USSR is explained from the point of view of a new approach – the theory of institutional violence by D. North, B. Weingast and D. Wallis. The application of this theory shows that by the 1980s the USSR had reached the stage of a mature “natural state”. The basis of the Soviet system consisted of long-term political and economic organizations run by the elite that ensured a high level of security and stability of official position due to effective control over the apparatus of state violence (KGB, the militia, the army). Thus, objective prerequisites for the transition to a new social order of “open access” based on economic and political competition developed in the Soviet Union. The leadership of the USSR, represented by M. S. Gorbachev and his supporters in the party, was confident that the introduction of openness and democracy would benefit the Soviet state. M. S. Gorbachev’s loss of control over the special services and the army in the summer of 1991 had a fatal significance for the fate of the USSR. Organized by the chairman of the KGB V. A. Kryuchkov, the putsch of the GKChP catastrophically discredited the union government.

© Котляров М. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 110–121

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 110–121

The leaders of the Soviet republics were convinced of the need for its complete elimination and achieved this in a short time. Thus, the perestroika and the collapse of the USSR can be considered as the beginning of the movement of the Soviet society toward the “open access order”. The initial conditions of this transition can be considered relatively successful. Despite a series of armed clashes in different regions of the USSR, the collapse of a huge militarized power occurred without much bloodshed and carnage between representatives of the political elite. The events of August 1991, thus, led to a political revolution, which marked the beginning of new sovereign states with a form of government close to the republican one.

Keywords

USSR, perestroika, violence, state, social orders

For citation

Kotlyarov M. V. The Collapse of the USSR in the Context of the Theory of Institutional Violence. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 110–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-110-121

Причины, обстоятельства, динамика и последствия распада СССР относятся к наиболее важным вопросам новейшей истории, поскольку столь стремительная гибель сверхдержавы беспрецедентна. Хронология кризиса советской государственности хорошо известна и описана во многих научных публикациях¹. Но нельзя сказать, что в историографии сложился непротиворечивый и заслуживший высокого доверия теоретико-методологический подход, объясняющий «механику» политической дезинтеграции советского государства. За прошедшие годы это событие объяснялось с помощью пяти основных концепций.

Одной из первых была сформулирована концепция революции элит, смысл которой заключается в том, что советская номенклатура в годы перестройки стремилась к правовому закреплению собственности и скрытых привилегий, не сильно беспокоясь о судьбе союзного государства [Пастухов, 1993; Крыштановская, 1995]. Получил распространение также подход, основывающийся на изучении национального фактора в распаде СССР. Ряд зарубежных исследователей-этнологов доказывали, что конец СССР стал результатом «триумфа наций», сформировавшихся внутри «советской империи» [Encausse, 1993]. Теория модернизации объясняет реформы в СССР как одну из стадий российской модернизации, закончившуюся, впрочем, не удачно. Введение демократии и рыночной экономики советская система не выдержала [Согрин, 1998; Алексеев, Алексеева, 2000]. Теория демократического транзита утверждает, что распад СССР стал составной частью третьей волны демократизации, начавшейся с падения диктатуры в Португалии в 1974 г. [Хантингтон, 2003]. Сторонники теории кризиса индустриального общества считают, что экономика СССР в 1980-е гг. находилась в глубоком структурном кризисе, который только усугубился в период перестройки и стал причиной краха государства [Дробышев и др., 2011].

Современная отечественная историография при этом представляет собой поле борьбы двух концепций. Первую можно обозначить как концепцию экономического банкротства СССР. Ее автор, Е. Т. Гайдар, подробно изложил экономические проблемы позднего СССР, сделав упор на зависимость советской экономики от экспорта нефти, резкое снижение стоимости которой на мировом рынке во второй половине 1980-х гг., стало смертельным ударом по государственному бюджету [Гайдар, 2007].

Вторая популярная концепция акцентирует внимание на фактах интеллектуальной и политической «деградации», а также «предательства» советских элит. В этих публикациях описаны различные «стратегические ошибки» руководства СССР и корыстные мотивы в борьбе за власть в период перестройки, которые стали главными причинами распада государства [Станкевич, 2001; Фроянов, 2002].

Тем самым в отечественной историографии сложился подход, который отрицает историческую детерминированность распада СССР. Всё больше находят признание непредвиден-

¹ В научной электронной библиотеке Elibrary.ru с 2000 по 2022 г. насчитывается 5 295 публикаций, посвященных различным аспектам распада СССР.

ные (случайные) воздействия, а также различные субъективные факторы: непредсказуемое падение стоимости нефти на мировом рынке, интеллектуальная несостоятельность советской элиты, слабая экспертная обеспеченность политических решений, личные амбиции и соперничество за власть между советскими руководителями.

Идея распада СССР как «черного лебедя» мировой истории привлекательна, так как может успокоить «горячие головы» не только в научно-экспертном, но и в политическом сообществе, до сих пор яростно спорящих о крахе СССР. Кроме того, такой подход не требует больших усилий по поиску новых фактов, их анализу и обобщению с целью формирования внятной объяснительной модели, поскольку субъективные факторы распада государства лежат на поверхности, ими пронизаны воспоминания и интервью политиков той эпохи.

«Недетерминированный» подход, однако, игнорирует содержание и последовательность политических событий во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР. В ходе перестройки на общесоюзных партийных форумах, которыми дирижировал Генеральный секретарь ЦК КПСС, были приняты решения о последовательной демократизации политэкономической системы. С 1987 г. начались выборы руководителей на предприятиях и первых секретарей партийных комитетов, была ослаблена цензура в средствах массовой информации, в 1989–1990 гг. КПСС путем ликвидации отраслевых отделов в аппарате парткомов самоустранилась от командования экономикой, в эти же годы состоялись конкурентные выборы народных депутатов на всех уровнях, в стране развернули деятельность различные неформальные общественные организации, ставшие основой массовых общественных движений и протопартий. При этом курс на перестройку системы пользовался популярностью и поддержкой в КПСС и среди населения. Демократизация быстро изменила политический режим в СССР, конструкции которого стали проявлять самостоятельность, а союзный центр перестал их жестко удерживать, что и стало важнейшей причиной глубокого кризиса советской государственности.

Таким образом, чтобы выяснить причины распада Советского Союза нужно разобраться, почему руководство одной из самых мощных и brutальных держав в мировой истории, режим которой сохранял тоталитарный дизайн до последних лет своего существования, отказалось от долголетней практики жесткого подавления политической активности, преследования оппонентов, цензуры и других форм государственного насилия и стало последовательно внедрять принципы открытости и конкуренции. Ответ на этот вопрос может дать теория, объясняющая значение насилия в развитии человеческой цивилизации.

Авторами этой теории являются лауреат Нобелевской премии в области экономики Д. Норт, политолог Б. Вайнгаст и историк Д. Уоллис. Они написали книгу «Насилие и социальные порядки» (2009 г.), посвятив ее концептуальной интерпретации истории человечества через призму решения проблемы насилия в различных обществах.

Д. Норт и его коллеги считают, что две революции в истории человечества имели решающее значение для появления принципиально отличных типов социального порядка. Неолитическая революция около десяти тысяч лет назад привела к появлению сельского хозяйства и формированию первых государств, которые обеспечили социальный порядок. Это были «естественные государства», или порядок «ограниченного доступа». По мнению Д. Норта, «естественные государства» до сих пор являются самым распространенным типом политэкономического устройства человеческого общества.

«Естественные государства» строятся на ограничении доступа к экономическим и политическим ресурсам. Благодаря привилегиям и особым правам отдельные группы, обладающие властью, извлекают экономическую ренту из ресурсов, находящихся под их контролем: земельных угодий, торговых путей, месторождений полезных ископаемых и др. В таких государствах в элите превалируют личные отношения, т. е. правящие группы представляют собой семьи, кланы, династии, узкие партии, хунты. Порядок ограниченного доступа не отличается стабильностью и постоянством, в долгосрочном плане он не способствует экономическому росту, поскольку нацелен на принудительное распределение ренты, а не на создание

новых производственных мощностей. При этом такие государства способны эволюционировать, авторы теории выделяют типы хрупкого, базисного и зрелого «естественного государства».

Как считают Д. Норт, Б. Вайнгаст и Д. Уоллис, индустриальная и социальная революция, которая впервые проявила себя в Англии XVII–XVIII вв., дала возможность появиться социальному порядку открытого доступа. В этом порядке главным принципом экономической и политической деятельности стала конкуренция, а доступ к основным ресурсам является относительно открытым и равным. Атрибутами такого порядка становятся акционерные общества, множество независимых от государства организаций, надежная система правовых гарантий и свобод. В XXI в. лишь 25 стран и 15 % населения земного шара живут в обществах открытого доступа, остальные 175 стран и 85 % населения живут в естественных государствах [Норт и др., 2011, с. 353].

Важным вкладом Д. Норты, Б. Вайнгаста и Д. Уоллиса в теорию государства стало выделение трех основных условий, необходимых для перехода от «естественного государства» к порядку «открытого доступа». Первое условие – существование бессрочных (постоянных) организаций, которые не зависят ни от государства, ни от конкретных личностей. Второе условие – подчинение элиты верховенству закона или равенство всех перед законом. Третье, самое важное условие – консолидированный всей элитой контроль над вооруженными силами и другими институтами государственного насилия, что предотвращает саморазрушение и деградацию социального порядка. В конце периода зрелости при выполнении пороговых условий происходит переход, занимающий обычно около 50 лет, от зрелого «естественного государства» к «порядку открытого доступа», когда механизмы конкуренции на всех уровнях экономики и политики сменяют механизмы привилегий и ренты.

Применение теории Д. Норты, Б. Вайнгаста и Д. Уоллиса для интерпретации поздней истории СССР может быть плодотворным, поскольку они предлагают универсальную призму для изучения состояния государства и его готовности к переходу от «естественного» к качественно новому состоянию – «порядку открытого доступа». Для выяснения эвристической ценности этой теории необходимо решить ряд задач: выявить долговременность существования политических и экономических организаций в СССР; проанализировать, какими правами обладала советская элита, установить роль личных отношений между ее представителями; определить характер контроля над вооруженными силами и другими институтами государственного насилия в Советском Союзе.

«Бессрочность» существования организаций является показателем высокой зрелости «естественного государства» и его готовности к порядку «открытого доступа». Под «бессрочностью» Д. Норт, Б. Вайнгаст и Д. Уоллис понимают условие, когда организации не зависят от жизни их индивидуальных членов. Значение бессрочно существующих организаций заключается в том, что они создают форму безличного обмена и отношений. Повышается безопасность контрактов и соглашений, поскольку они заключаются с организацией, а не с индивидуальными членами организации. Эти контракты также выходят за пределы жизни любого индивидуального члена.

Отличительной особенностью советской системы была организационная стабильность. Ключевые политические и общественные организации, а также многие предприятия и учреждения существовали практически на протяжении всего периода советской власти, пережили своих создателей и тяжелые перипетии истории.

Роль и статус важнейших организаций СССР были закреплены Конституцией 1977 г. Статья 6 Основного Закона закрепила, что «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы» являлась КПСС. В Статье 7 также фиксировалась важная роль профсоюзов и комсомола, а кооперативные и другие общественные организации «участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов».

Важным признаком организационной стабильности советской системы был рост численности партии. В послевоенный период количество членов и кандидатов в члены КПСС выросло на 13 млн чел. и в начале 1985 г. насчитывало 18,7 млн чел., что составляло 9,5 % всего взрослого населения СССР. КПСС имела жестко централизованную и широко разветвленную структуру, сформированную по территориально-производственному принципу еще в 1920-е гг. В середине 1980-х гг. существовало 440,5 тысяч первичных парторганизаций. Партийные организации пронизывали буквально все крупные предприятия и учреждения, обеспечивая управляемость, политический контроль и организационную стабильность советского общества в целом. КПСС, как и другие ключевые общественно-политические организации Советского Союза, носила безличный характер, она функционировала на основе открытых Устава и Программ, которые выступали в качестве «Основного Закона» партии и реального руководства к действию вне зависимости от политической конъюнктуры.

Особенностью советской экономической модели также была организационная стабильность, обусловленная высокой концентрацией производства. В 1985 г. 62 % населения советская статистика относила к категории рабочих. При этом большинство рабочих (74,3 %) в этот период было занято на крупных предприятиях с численностью персонала свыше 1 000 чел. [Полынов, 2010, с. 237]. Формирование масштабных производств не всегда было оправдано с позиции экономической эффективности, однако с точки зрения социальной стабильности большие предприятия выгодно отличались от небольших. Они имели развитую социальную инфраструктуру: поликлиники, дома отдыха, спортивные залы, дачные поселки и др. Благодаря этому обеспечивалась не только социальная защищенность рабочих, но и долговременность существования самих предприятий, так как они приобретали характер градообразующих.

Не менее важной причиной длительного существования в СССР крупных промышленных предприятий была нацеленность многих из них на обеспечение нужд армии. Причем объемы производства вооружений определялись не военными потребностями, а тем, какие производственные мощности были ранее созданы [Гайдар, 2007, с. 202]. Их сохранение являлось принципиальным вопросом. Помощник Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева Г. Х. Шахназаров приводит в своих воспоминаниях дискуссию с начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР С. Ф. Ахромеевым. На вопрос Г. Х. Шахназарова «Зачем надо производить столько вооружений?», С. Ф. Ахромеев ответил: «Потому что ценой огромных жертв мы создали первоклассные заводы, не хуже, чем у американцев, Вы что, прикажете им прекратить работу и производить кастрюли? Нет, это утопия» (Шахназаров, 2001, с. 355).

Согласно Д. Норту и его коллегам, в естественных государствах элементы верховенства права для элит возникают, когда аспекты закона относятся в равной степени ко всем элитам и применяются беспристрастно. Элита защищена от произвола «первого лица» и его «гвардии», решение об использовании вооруженных сил внутри страны и за рубежом принимается коллективно, что снижает риски гибели представителей элиты и перераспределения ресурсов между группировками.

В послевоенном СССР произошли важные изменения с точки зрения положения людей, находящихся на руководящих должностях. В конце 1930-х гг. И. В. Сталин ликвидировал большую часть членов Центрального Комитета. В 1957 г. «антипартийная группа», а затем Н. С. Хрущев в начале 1960-х гг. потерпели поражение, когда попытались отодвинуть ЦК партии от принятия важнейших решений. В 1960-е – первой половине 1980-х гг. интересы элиты возобладали, что обеспечило высшему составу советских руководителей беспрецедентный уровень личной безопасности и стабильности служебного положения, ставшего практически бессрочным [Модсли, Уайт, 2011, с. 389].

Ситуаций, способных поколебать эту систему, в 1970-е – первой половине 1980-х гг. практически не было. Громкие судебные процессы касались отдельных фигур, разоблачения нарушений социалистической законности не приобретали характера масштабных чисток.

В последний год жизни Л. И. Брежнева и особенно после его смерти борьба с коррупцией активизировалась, количество дел против взяточников в 1983–1986 гг. выросло почти в два раза, в том числе были организованы громкие расследования коррупции в системе торговли («Рыбное дело», «Краснодарское дело», арест директора гастронома № 1 Ю. К. Соколова), в системе МВД (снятие с поста министра Н. А. Щелокова), «Хлопковое дело» в Узбекистане. Подобная активизация борьбы со взяточничеством позволяла удовлетворить справедливое недовольство населения дефицитом и «блатом», при этом не угрожала основам номенклатурной системы, так как застрагивала главным образом региональных руководителей и чиновников на местах.

Важным условием зрелости «естественного государства» является роль личных отношений среди элиты. В хрупких и базовых «естественных государствах» личные отношения внутри правящей коалиции имеют принципиальное значение – власть и ресурсы распределяются в узком кругу родственников, соплеменников, друзей, сослуживцев, которые хорошо знают друг друга. В зрелых «естественных государствах», в которых функционируют «бессрочные» организации, обеспечивается защита прав элиты, развивается система договоров, соглашений и бюрократических правил, соответственно личные связи утрачивают значение.

Поздний СССР был государством, где личные отношения внутри элиты не имели принципиального значения. Более того, советское государство было построено на стремлении полностью обезличить отдельного человека, в том числе представителей номенклатуры. Как писал М. Джилас, «коммунисты не делают различия между чиновниками и нечиновниками; все граждане считаются чиновниками» [1961, с. 117].

В советской элите на протяжении истории происходили существенные изменения. Старую гвардию большевиков в 1930-е гг. путем кровавых чисток сменили сталинские бюрократы, которые, в свою очередь, постепенно вытеснялись хрущевскими и брежневскими технократами. Тем самым происходило «функциональное развитие» элиты, в ходе которого терялось значение личных отношений и более важными факторами становились профессиональные качества.

Более того, члены советской элиты в 1970–1980-е гг., как следует из воспоминаний, являлись довольно разобщенной группой. В этой среде не возникало устойчивых семейно-клановых или даже крепких дружеских связей [Модсли, Уайт, 2011, с. 366]. Л. И. Брежнев вел довольно уединенный образ жизни и редко приглашал друзей на дачу. Когда ему требовались консультации, то это происходило обычно за обедом, где присутствовали Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов и К. У. Черненко. На них никогда не бывали ни А. Н. Косыгин, ни значительно более молодой М. С. Горбачев. Представители партийного руководства совсем перестали ходить друг к другу в гости к концу правления Л. И. Брежнева, когда вопрос о том, «кто с кем пьет», приобрел политическое значение. Более того, выработалось твердое правило избегать подобных визитов, чтобы не порождать домыслов о заговорах. Например, М. С. Горбачев, став в 1979 г. членом Политбюро ЦК КПСС, пригласил Ю. В. Андропова с женой к себе на обед, желая укрепить дружеские отношения, сложившиеся между ними в Ставрополе, но Андропов твердо отказался, подчеркнув, что «завтра же пойдут сплетни и вопросы, кто, где, зачем встречался, что они обсуждали...» (Горбачев, 1995, кн. 1, с. 189).

Вместе с этим Центральный комитет партии в брежневские годы, как считает ряд исследователей, работал скорее как орган по выработке «консенсуса» между его членами, нежели как инструмент реализации политической воли Генерального секретаря. Можно даже предположить, что в те годы в СССР был выработан ряд «неписанных конституционных ограничений», подобных тем, что существуют в Великобритании, и эти ограничения проявлялись в способности ЦК предупреждать попытки руководства партии действовать вопреки интересам главных социальных групп или ключевых общественных институтов [Модсли, Уайт, 2011, с. 273].

В период перестройки роль ЦК КПСС и его Политбюро заметно возросла. С избранием М. С. Горбачев на пост Генерального секретаря ЦК КПСС увеличилось количество постановлений Политбюро и время его заседаний, которые порой длились до 11 часов. В свою очередь, на Пленумах ЦК рассматривались ключевые вопросы перестройки, они ознаменовали поворотные этапы преобразований: начало ускорения, гласности, демократизации, десталинизации, экономической реформы. Однако ни Политбюро, ни ЦК КПСС не превратились в единую команду реформ. Видимость единства и сплоченности сохранялась до октября 1987 г., когда на пленуме ЦК КПСС с критикой недочетов и упущений партийного руководства выступил первый секретарь Московского горкома КПСС Б. Н. Ельцин и серьезно за это поплатился. В марте 1988 г. публикация письма Н. А. Андреевой «Не могу поступаться принципами» обозначила идеологические противоречия между консерваторами и реформаторами на высшем партийном уровне. В последующие годы недоверие между Генеральным секретарем, членами Политбюро и ЦК КПСС только усугублялось, сопровождаясь публичной критикой, вылившейся в требование отставки руководителя партии на апрельском Пленуме ЦК КПСС в 1991 г., а затем и в попытку государственного переворота в августе 1991 г. Таким образом, преобразования второй половины 1980-х гг. спровоцировали недоверие, идейно-политическое размежевание, а затем и полноценный раскол политической элиты, что стало важным фактором краха политического режима.

Принципиальное значение для стабильности «естественного» государства имеет обуздание насилия. Эффективный контроль над аппаратом государственного насилия обеспечивает сохранение созданного порядка и его постепенный прогресс.

Большевики фактически с нуля создали армию, милицию и спецслужбы, которые со времен Гражданской войны стали их важнейшими инструментами в установлении и поддержании однопартийной диктатуры в стране. Партия никогда не ослабляла контроль над армией, спецслужбами и милицией, руководство которых неоднократно подвергалось чисткам, будучи заподозренными в нелояльности или возрастающем влиянии.

Важнейшим показателем подчиненного положения армии и спецслужб в СССР являлось отсутствие с их стороны серьезных антиправительственных заговоров. Руководители партии успешно ставили на место «людей в погонах», добиваясь необходимых политических целей, которые вызывали их несогласие.

В период перестройки М. С. Горбачев развернул деятельность по сокращению ракетных ядерных вооружений, что вызвало серьезное беспокойство у генералитета, видевшего в этом угрозу достигнутому длительными и тяжелыми усилиями ядерному паритету с НАТО. По свидетельству работника аппарата ЦК В. М. Фалина, «генеральный искал в ту пору безотказный предлог, позволявший ему взнудать и засупонить военных. Генералы и адмиралы – не партсекретари в регионах и отчасти в республиках. Здесь перевыборы не назначишь, чтобы “демократически” избавиться от неугодных. И вдруг как “манна небесная” – М. Руст. Нежданный и столь желанный подарок» (Фалин, 1999, с. 127).

28 мая на Васильевском спуске Красной площади в Москве приземлился легкомоторный самолет, пилотируемый гражданином ФРГ М. Рустом. М. С. Горбачев воспользовался возникшим скандалом от выходки воздушного хулигана и отправил в отставку министра обороны СССР С. Л. Соколова и командующего ВВС А. И. Колдунова, с которыми у него были разногласия по вопросам сокращения вооружений. Кроме того, с постов были сняты полторы сотни офицеров, некоторые были отданы под суд [Шубин, 2005, с. 291].

Однако в ходе перестройки в системе контроля над аппаратом государственного насилия произошли важные изменения. В 1990 г. на фоне стремительно нараставших проблем в экономической и политической сферах между М. С. Горбачевым и частью высшей партийной элиты всё больше разрасталось недоверие. В этот период КГБ выдвинулся на первый план как опора Генерального секретаря. Формировался консервативный блок между КГБ, догматиками в КПСС, депутатами-«патриотами» и частью генералитета советской армии. Председатель КГБ В. А. Крючков играл в этом блоке важную роль, постоянно предупреждая

М. С. Горбачева о «кознях» демократов, призывая к наведению порядка путем введения чрезвычайных мер (Бакатин, 1992, с. 14). На этом этапе руководство СССР в качестве действенного варианта борьбы с нарастающими кризисными процессами стало рассматривать введение чрезвычайного положения.

Первые шаги по введению чрезвычайных мер были сделаны осенью 1990 г., когда М. С. Горбачев лично отдал приказ разработать мероприятия по введению чрезвычайного положения. С этой целью 28 марта 1991 г. был создан неофициальный комитет. В нем среди прочих состояли будущие путчисты – вице-президент СССР Г. И. Янаев, министр обороны СССР Д. Т. Язов, председатель КГБ СССР В. А. Крючков и министр внутренних дел СССР Б. К. Пуго (Бакатин, 1992, с. 14).

С апреля 1991 г. М. С. Горбачев сосредоточился на работе над Союзным договором, а введение чрезвычайного положения рассматривал как ответ на тяжелый продовольственный кризис или массовые беспорядки. В свою очередь, другие руководители союзных органов государственной власти относились к введению чрезвычайного положения как к единственной возможности, позволявшей развернуть политическую ситуацию в пользу союзного центра и предотвратить распад страны (Бакатин, 1992, с. 14).

Планировал и организовывал введение чрезвычайного положения председатель КГБ В. А. Крючков. Ему удалось заручиться поддержкой руководства армии, МВД, союзного правительства и Верховного Совета СССР. Организации КПСС важной роли в путче не сыграли, большинство партийных руководителей как в центре, так и на местах заняли выжидательную позицию [Котляров, 2011, с. 194–203].

Путчистам, однако, не удалось заручиться поддержкой М. С. Горбачева, находившегося на отдыхе в Форосе, поэтому они не имели лидера и действовали нерешительно, в то время как демократическое, оппозиционное движение находилось на подъеме, особенно в столице и крупных городах страны. Путчисты готовились, но не решились применить силу против главного противника в Москве – Б. Н. Ельцина, а также не пошли на прямое подавление протестного движения. В результате российское руководство во главе с Б. Н. Ельциным смогло опереться на быстро возникшее сопротивление путчистам и вышло победителем в противостоянии.

Важно подчеркнуть, что в руководстве СССР в период перестройки не было единства в отношении применения насилия для удержания власти, поскольку памяты были кровопролитные события в Новочеркасске в 1962 г. и массовые беспорядки в Польше в 1970, 1976 и 1980 гг. Даже в ГКЧП формальный «лидер» Г. И. Янаев и ключевые «силовики» Д. Т. Язов и В. А. Ачалов были решительными противниками применения насилия. 21 августа 1991 г. Д. Т. Язов приказал вывести войска из Москвы, что фактически решило исход борьбы во время путча.

Поражение ГКЧП привело к быстрому демонтажу советской политической системы. Провал путча был использован Б. Н. Ельциным в первую очередь для устранения КПСС. Объявленная Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина 23 августа 1991 г. приостановка деятельности коммунистической партии на территории РСФСР не встретила сопротивления миллионов коммунистов, которые были политически расколоты и деморализованы. 6 ноября 1991 г. Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина деятельность КПСС на территории РСФСР была запрещена.

Неудавшийся переворот породил «парад суверенитетов». На второй день путча объявила о своей независимости Эстония, на третий – Латвия. Большинство остальных республик сделали это в течение следующих четырех недель. Позднее всего независимость была объявлена Туркменией – 27 октября и Казахстаном – 16 декабря 1991 г. Республики бывшего СССР начали получать признание в качестве самостоятельных государств на международной арене.

После путча руководители ключевых союзных структур были арестованы. Новые назначения М. С. Горбачев был вынужден согласовывать с Б. Н. Ельциным. Российский президент

добился выгодных для себя кадровых решений в Министерстве обороны, КГБ и МВД, руководители союзных структур теперь не могли помешать руководству РСФСР, часть из них была ему лояльна. В результате победа над ГКЧП позволила Б. Н. Ельцину резко ослабить власть М. С. Горбачева. К концу 1991 г. руководители ведущих иностранных государств, которые ранее взаимодействовали в первую очередь с М. С. Горбачевым, стали признавать Б. Н. Ельцина в качестве ключевого политика на постсоветском пространстве. 25 декабря 1991 г. М. С. Горбачев заявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР и подписал указ о передаче управления стратегическим ядерным оружием президенту РСФСР Б. Н. Ельцину.

Подводя итоги, отметим, что применение теории институционального насилия позволяет концептуализировать завершающий период советской истории. В 1980-е гг. СССР представлял собой зрелое «естественное государство», для которого были характерны долговременно существующие организации, обезличенная, дисциплинированная элита, которая чувствовала себя в безопасном положении за счет эффективного контроля над аппаратом государственного насилия. Тем самым в СССР сложились объективные предпосылки для перехода к порядку «открытого доступа». Руководство СССР начало перестройку системы, поскольку чувствовало себя в безопасности и было уверено, что внедрение элементов открытости и конкуренции принесет пользу советскому государству и обществу.

Перестройку, таким образом, можно рассматривать как начало движения советского общества к «порядку открытого доступа». Стартовые условия перехода были относительно успешными. Несмотря на череду погромов и вооруженных столкновений в советских республиках в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (Алма-Ата, Крым, Карабах, Сумгаит, Абхазия, Приднестровье, Фергана, Вильнюс и др.), политические реформы в огромной милитаризованной державе произошли без бойни между представителями политической элиты.

Роковое значение для политической судьбы СССР имело не столько формирование в республиках реальной политической оппозиции, сколько потеря контроля над аппаратом насилия летом 1991 г. в самом центре государства. Организованный председателем КГБ СССР В. А. Крючковым провальный путч ГКЧП полностью дискредитировал союзную власть и предоставил лидерам советских республик, в первую очередь Б. Н. Ельцину, широкие возможности для дезавуирования союзных структур.

Августовские события 1991 г. привели к политической революции: большая часть политического и военного руководства СССР была арестована, завершилось господство коммунистической идеологии, многомиллионной КПСС, аппарата политического насилия в лице КГБ, памятник его основателю был свергнут. Сразу после путча большинство республик объявило о независимости, их начали признавать на международной арене [Лозо, 2014, с. 382–383]. И, как показали последующие годы, политическое разделение между республиками, бывшими когда-то частью одного государства, только разрасталось.

Таким образом, теория институциональных изменений Д. Норта, хотя и построенная на анализе экономических процессов в евро-атлантических странах, является продуктивным методологическим инструментом для понимания в том числе советской истории. Ценность теории Д. Норта базируется на удачном синтезе известного вебирианского тезиса о государстве как форме господства, основанном на монополии на насилие и относительно новых достижений в истории экономики. В результате даже такое уникальное политическое образование, как Советский Союз поддается концептуальному анализу, а причины его распада отчетливо проявляются не в личных качествах и промахах последних Генеральных секретарей ЦК КПСС, а в специфике его политических и экономических институтов.

Список литературы

Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте теорий модернизаций и имперской эволюции // Отечественная история. 2000. № 5. С. 3–18.

- Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2007. 448 с.
- Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Прегер, 1961. 243 с.
- Дробышев Т. А., Мау В. А., Шахрай С. М., Яник А. А. История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999) / Под общ. ред. А. А. Клишаса. М.: Изд-во МГУ, 2011. 272 с.
- Котляров М. В. Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 224 с.
- Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.
- Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было. М.: РОССПЭН, 2014. 462 с.
- Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены, 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 431 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
- Пастухов В. Б. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Политические исследования. 1993. № 2. С. 49–56.
- Полынов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетейя, 2010. 512 с.
- Согрин В. В. Теоретические подходы к российской истории XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–135.
- Станкевич З. А. История крушения СССР: политико-правовые аспекты. М.: Изд-во МГУ, 2001. 320 с.
- Фроянов И. Я. Погружение в бездну. М.: Алгоритм, 2002. 607 с.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 480 с.
- Encausse Helene Carrere d'. The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. New York, BasicBooks, 1993, 292 p.

Список источников

- Бакатин В. В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992. 288 с.
- Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 1. 656 с.
- Фалин В. М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. М.: Центрполиграф, 1999. 394 с.
- Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Зевс, 1993. 623 с.

References

- Alekseev V. V., Alekseeva E. V. Raspad SSSR v kontekste teorii modernizatsii i imperskoi evolyutsii [The Collapse of the USSR in the Context of the Theories of Modernization and Imperial Evolution]. *Otechestvennaya istoriya [Russian History]*, 2000, no. 5, pp. 3–18. (in Russ.)
- Drobyshev T. A., Mau V. A., Shakhrai S. M., Yanik A. A. Istoriya ekonomiki SSSR i Rossii v kontse XX veka (1985–1999) [History of the Economy of the USSR and Russia at the End of the 20th Century (1985–1999)]. Ed. by A. A. Klishas. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2011, 272 p. (in Russ.)
- Djilas M. Novyi klass [The New Class]. New York, Preger, 1961, 243 p. (in Russ.)
- Encausse Helene Carrere d'. The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. New York, BasicBooks, 1993, 292 p.

- Froyanov I. Ya.** Pogruzhenie v bezdnu [Dive into the Abyss]. Moscow, Algoritm, 2002, 607 p. (in Russ.)
- Gaidar E. T.** Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoi Rossii [Collapse of an Empire. Lessons for Modern Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2007, 448 p. (in Russ.)
- Huntington S.** Stolknovenie tsivilizatsii [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003, 603 p. (in Russ.)
- Kotlyarov M. V.** Institutsional'nye izmeneniya i ideino-politicheskie protsessy v organizatsiyakh KPSS Zapadnoi Sibiri v period perestroika [Institutional Changes and Ideological and Political Processes in the Organizations of the CPSU of Western Siberia during the Period of Perestroika]. Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 224 p. (in Russ.)
- Kryshchanovskaya O. V.** Transformatsiya staroi nomenklatury v novuyu rossiiskuyu elitu [The Transformation of the Old Nomenclature into a New Russian Elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1995, no. 1, pp. 51–65. (in Russ.)
- Lozo I.** Avgustovskii putch 1991 goda. Kak eto bylo [August Putsch of 1991. How it Was]. Moscow, ROSSPEN, 2014, 462 p. (in Russ.)
- Mawdsley E., White S.** Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva. Tsentral'nyi komitet i ego chleny, 1917–1991 [The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and Its Members, 1917–1991]. Moscow, ROSSPEN, 2011, 431 p. (in Russ.)
- Nort D., Wallis J., Weingast B.** Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Trans. from Eng. by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskova. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2011, 480 p. (in Russ.)
- Pastukhov V. B.** Ot nomenklatury k burzhuazii: "novye russkie" [From the Nomenclature to the Bourgeoisie: "New Russians"]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 1993, no. 2, pp. 49–56. (in Russ.)
- Polynov M. F.** Istoricheskie predposylki perestroiki v SSSR. Vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-kh gg. [Historical Background of Perestroika in the USSR. The 2nd Half of 1940 – the 1st Half of the 1980s]. St. Petersburg, Aleteiya, 2010, 512 p. (in Russ.)
- Shubin A. V.** Paradoksy perestroiki. Upushchennyi shans SSSR [The Paradoxes of Perestroika. Missed Chance of the USSR]. Moscow, Veche, 2005, 480 p. (in Russ.)
- Sogrin V. V.** Teoreticheskie podkhody k rossiiskoi istorii XX veka [Theoretical Approaches to Russian History of the 20th Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1998, no. 4, pp. 124–135. (in Russ.)
- Stankevich Z. A.** Istoriya krusheniya SSSR: politiko-pravovye aspekty [The History of the Collapse of the USSR: Political and Legal Aspects]. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2001, 320 p. (in Russ.)

List of Sources

- Bakatin V. V.** Izbavlenie ot KGB [Getting Rid of the KGB]. Moscow, Novosti, 1992, 288 p. (in Russ.)
- Falin V. M.** Konflikty v Kremle. Sumerki bogov po-russki [Conflicts in the Kremlin. Twilight of the gods in Russian]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 1999, 394 p. (in Russ.)
- Gorbachev M. S.** Zhizn' i reformy [Life and Reforms]. Moscow, Novosti, 1995, book 1, 656 p. (in Russ.)
- Shakhnazarov G. Kh.** Tsena svobody. Reformatsiya Gorbacheva glazami ego pomoshchnika [Price of Freedom. Gorbachev's Reformation through the Eyes of his Assistant]. Moscow, Zevs, 1993, 623 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Максим Васильевич Котляров, кандидат исторических наук
WoS Researcher ID Q-9630-2019

Information about the Author

Maxim V. Kotlyarov, Candidate of Science (History)
WoS Researcher ID Q-9630-2019

*Статья поступила в редакцию 04.06.2022;
одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 12.09.2022
The article was submitted on 04.06.2022;
approved after reviewing on 17.08.2022; accepted for publication on 12.09.2022*